

ЮРИДИЧЕСКОЕ ЛИЦО В ПРАВЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ СЕРБИИ И БЕЛАРУСИ

В. И. Ермолович

*доцент кафедры теории и истории государства и права,
кандидат исторических наук, доцент
Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь*

В статье рассматривается становление и развитие института юридического лица в праве средневековой Сербии и Беларуси. Исследование проводится на основе многопланового анализа сербских и белорусских юридических источников X–XV вв. Автором анализируется история создания, структура и содержание понятия юридического лица в эпоху Средневековья, а также особенность механизма рецепции структурных элементов юридического лица в право средневековой Сербии и Беларуси.

У артыкуле разглядаецца станаўленне і развіццё інстытута юрыдычнай асобы ў праве сярэднявечнай Сербіі і Беларусі. Даследаванне праводзіцца на аснове шматплановага аналізу сербскіх і беларускіх юрыдычных крыніц X–XV стст. Аўтарам аналізуецца гісторыя стварэння, структура і змест паняцця юрыдычнай асобы ў эпоху Сярэднявечча, а таксама асаблівасць механізму рэцэпцыі структурных элементаў юрыдычнай асобы ў права сярэднявечнай Сербіі і Беларусі.

The question of the formation and development of the institute of the juridical person in the law of medieval Serbia and Belarus has been investigated in the given article. The study of the institute of the juridical person was being carried out on the basis of the multiplanned analysis of Serbian and Belarusian juridical sources which refer to the period of the 10-th – the 15-th centuries. The author of the article has analysed the history of the creation, the structure and contents of the term juridical person in the epoch of the Middle Ages. The peculiarity of the mechanism of adopting the structural elements of the juridical person into the law of Medieval Serbia and Belarus has also been considered.

С древнейших времен понятие юридического лица отождествляется с объединением людей и имущества, за которыми было признано свойство быть носителями прав и обязанностей и возможность действиями своих органов выражать правозначимую волю, вступая в правовые отношения между собой и с физическими лицами. Данное понятие юридического лица было доступно для понимания жителей Древней Сербии уже в первом тысячелетии до н. э. В пользу этого свидетельствует текст «Законника правовых, обычных и моральных норм сербов», издание которого датируется VIII–VI вв. до н. э., что по самым скромным оценкам на столетие опережает появление первого письменного источника римского частного права – Законов XII таблиц. Исходя из норм, изложенных в «Законнике правовых, обычных и моральных норм сербов», древнесербское (рабовладельческое по своему

характеру) государство было правоспособным. Древнесербское государство, согласно стст. 7 и 10 «Законника правовых, обычных и моральных норм сербов», осуществляло функции юридического лица в публичном праве [1, с. 38]. О функциях древнесербского государства как юридического лица в частном праве сведений в известных нам правовых источниках не выявлено.

Наряду с древнесербским государством функции юридического лица в указанном источнике права признавались и за некоторыми институтами государства, имевшими определенные задачи, о выполнении которых они заботились с помощью собственных средств. Этими самостоятельными структурами в соответствии со стст. 13 и 51 указанного выше Законника были вооруженные силы, города (с прилежавшими к ним сельскими округами) как территориально-административные единицы государства и храмы [1, с. 38, 40]. Следует отметить, что древнесербское право, как и римское право эпохи республики, не отделяло публичную правоспособность от частной. При этом не следует отрицать возможность того факта, что «Законник правовых, обычных и моральных норм сербов» как источник, отражающий уровень развития права древних греков и славян, был одним из источников, рецепированных римлянами в V в. до н. э. при составлении Законов XII таблиц. В пользу этого довода свидетельствует сходство ряда статей указанных источников права по характеру их содержания и языку изложения.

Для населения средневековой Сербии понятие юридического лица было уже доступно на уровне норм римского классического и постклассического права. В этой связи следует отметить, что в отличие от стран Западной и Центральной Европы в Сербии, так же как и в Восточноримской империи и Италии, действие норм римского права было характерным как в период раннего, так и зрелого средневековья. Следовательно, главными субъектами сербского средневекового права были семья, семейная община, церковь и город. Личность, как физическое лицо, в Сербии того времени крайне редко становилась собственником имущества. Это случалось, если умирали все близкие родственники или по каким-либо причинам прекращала свое существование семейная община (задруга). Аналогичным образом обстояли дела и в отношении права физических лиц к собственности на имущество в странах Западной и Центральной Европы. На это нам указывают нормы «Саксонского зеркала» (кн. 1, ст. 12 «Земское право») – памятника германского права XIII в. [2, с. 22].

И хотя в «Законнике Стефана Душана» – источнике отечественного права Сербии XIV в. – нет четкого определения понятия

юридического лица, зато в нем четко указаны виды юридических лиц: церковь, семейная община, село, город, жупа (округ – территориально-административная единица сербского средневекового государства. – Прим. В. Е.), государство в виде его институтов, таких как казна.

Рассмотрение вопроса о юридическом лице в эпоху феодализма продолжим на примере рассмотрения важнейшего института общества и государства периода Средневековья – церкви. В рассматриваемый период она была собственником значительных земельных владений (имений). Есть веские основания полагать, что в средневековой Сербии церковь была таким же субъектом права, как властелин (феодал) или государь. Ст. 129 Ходошского списка Законника Душана гласит: «Назначается наказание, равное с царскими ослушниками, церкви, властелину или кому бы то ни было в государстве за неповиновение царскому судье» [З,с.145]. Значит, церковь, как юридическое лицо, по мнению законодателя, могла нарушить закон и соответственно подлежала наказанию за это. Возникает вопрос: считал ли сербский законодатель периода Средневековья церковь как единую организацию общегосударственного характера юридическим лицом или под данным понятием следует рассматривать отдельные церковные приходы и монастыри как самостоятельные субъекты права? На этот вопрос находим утвердительный ответ в ст. 31 «Законника Стефана Душана» «О суде церковных людей», которая гласит: «Лица, представляющие различные церковные приходы или монастыри, должны судиться общим судом, который представляет различные тяжущиеся стороны». Следовательно, законодатель предполагает обособленное имущество церковных приходов и монастырей. Постулат о том, что монастырь есть совершенно самостоятельный субъект права, впервые сформулировал и ввел в законодательство Святой Савва. В написанном им Уставе (типике) Хиландарского монастыря красной нитью проходит положение, отражающее воззрение своего времени на церковь. А именно Хиландарский монастырь и все принадлежащие ему владения (имения) считались собственностью Бого-родицы, представителем которой был игумен. Он, как представитель, имел ограниченные права, т. е. не мог передавать имущество своим родственникам, друзьям или оставлять себе. Если появлялась необходимость в ведении строительных и ремонтных работ, реставрации книг и икон, игумену следовало действовать, заручившись поддержкой всей старшей монастырской братии (монахов). Кроме того, сформулированное еще Святым Саввой положение Устава монастыря требовало от всех без исключения должностных лиц ведения книги прихода и расхода. Поэтому не случайно, что в Хрисовулах, выданных Жичанскому, Грачаницкому,

Хиландарскому, Студеницкому и ряду других монастырей еще в 20-х гг. XIII в., верховная власть страны запрещает подчинять их в имущественном отношении как светским, так и церковным властям [4, с. 13,14,18]. Это и есть прямое признание за монастырем статуса юридического лица.

Представителем монастыря как юридического лица был игумен, а церковь как единую организацию в масштабе Сербского феодального государства представлял архиепископ. На это указывают ст. 33 Призренского и ст. 37 Бистричского списков «Законника Стефана Душана», согласно которым все монастырское имущество предоставлялось в распоряжение игуменов, которые должны управлять им по закону и справедливости. При этом игумен единолично не мог решать вопросы ведения монастырского хозяйства. Он не имел права решать вопросы о купле-продаже монастырского имущества. Согласно Хрисовулу, пожалованному королевской властью Архангелогородскому монастырю (не позже 1353 г.), предусматривалось только коллегиальное решение данного вопроса с участием старшей монастырской братии. В частности, в указанном Хрисовуле была зафиксирована следующая юридическая норма: «Да не волен игумен что-либо отдать или сделать без согласия на то: эконома (управляющего), ключника и казначея» [5, с.697]. Вопрос о продаже земли, принадлежащей монастырю, мог решить только собор данного монастыря – высший орган его управления [6, с. 543]. Все церковное имущество, кроме монастырского имущества, находилось в пользовании представителей высшей духовной иерархии. Об этом свидетельствуют Хрисовул Стефана Душана, выданный монастырю Михаила и Гавриила близ Призрена, где есть упоминание о крестьянах призренского митрополита, живших на монастырских землях [7, с.1–70].

Правовой статус церковных владений в средневековом Белорусском государстве, как и в Сербии, был обусловлен характером самого субъекта данного вида собственности. Его нельзя считать достаточно консолидированным, так как церковным имуществом (в том числе землей) в XIV–XVI вв. пользовались и распоряжались на территории Беларуси отдельные церковные учреждения: монастыри, приходские церкви, епископаты, которые обладали правом юридического лица.

Для сравнения, в средневековой Беларуси (Великое княжество Литовское, Русское, Жемойтское) храмы и монастыри могли заниматься всеми видами гражданско-правовой деятельности: ростовщичеством, брать имущество в залог и совершать другие виды сделок [8, с. 284]. Благодаря богатым пожалованиям и покровительству со стороны

государства и крупных феодалов, церковь в средневековой Беларуси сконцентрировала в своих руках огромную недвижимую собственность.

По мнению профессора И. А. Юхо: «От имени церкви [в средневековой Беларуси] как субъекта имущественных прав выступали митрополиты и епископы, а от имени монастырей – их настоятели. Имущественные права церкви гарантировались и закреплялись в целом ряде общеземских и областных грамот, а также в нормах церковного права, которое признавалось и государственными органами» [8, с. 284].

Следовательно, мы имеем определенные основания считать, что в средневековой Беларуси и Сербии статус церкви был весьма близок по своему юридическому положению. Это позволяет утвердительно ответить на вопрос, что законодатели этих государств рассматривали институт церкви как юридическое лицо.

Правовые источники свидетельствуют, что сербские средневековые города также обладали статусом юридического лица. Например, в 1230 г. сербский король Радослав подтвердил положения Хрисовула, выданного королем Георгием о том, что г. Котору пожалованы земли на вечные времена. В 1351 г. Стефан Душан подтверждает положения грамот, выданных его предшественниками [4, с. 151]. Факт владения городской общиной недвижимой собственностью налицо.

Так, ст. 125 Призренского и ст. 119 Бистричского списков «Законника Стефана Душана» указывают на то, что Хрисовулом сербского царя Стефана Душана даже за завоеванными греческими городами было гарантировано сохранение их недвижимой собственности. Кроме того, ст. 117 Раковецкого и ст. 138 Призренского списков «Законника Душана» «О Хрисовулах» запрещали даже верховной (царской) власти нарушать указанные юридические нормы. Они гласят: «Хрисовулы моего царского величества, что дарованы городам моего царства, что в них написано, да не вольны того нарушать в них ни господин царь, ни кто-либо другой. Да будут тверды хрисовулы» [9, с. 138].

Характерной чертой юридического лица является наличие у него правоспособности. О наличии данной правовой категории у сербского средневекового города свидетельствуют ст. 121 Бистричского и ст. 127 Призренского списков «Законника Стефана Душана» с единым названием «О городской земле», которая гласит: «Городская земля, что около города, что на ней будет ограблено или украдено, все то да платит округа» [3, с. 200; 9, с. 134]. Таким образом, город признается самостоятельным субъектом права. Вместе с тем до настоящего времени остается неизученным вопрос, какое должностное лицо или орган

представляли город как юридическое лицо в средневековом сербском государстве.

Анализ истории развития городов средневекового сербского государства позволил нам сделать вывод, что универсального по своему характеру должностного лица или органа власти, который бы представлял город в средневековой Сербии как юридическое лицо, выявить не представляется возможным. Характерной чертой для системы управления древних городов сербского государства, которые помнили эпоху римского владычества, было сохранение структуры аппарата местного самоуправления римской империи, так называемых институтов муниципальной власти. Во главе городской общины находился Сенат декурионов, или куриалы, а работой сената управляли избранные или назначенные *douvirii*. Последние являлись именитыми гражданами города, старейшинами благородных родов, которые издревле занимались государственными делами. Из их числа формировался постоянно действующий орган управления – Малое вече. Например, в г. Дубровнике Сенат состоял из 45 человек, а Малое вече – из 11 человек [10, с. 71]. Высшую исполнительную власть в г. Дубровнике осуществлял правитель, который избирался на срок в два месяца. После избрания правителем на третий срок данное должностное лицо получало право именоваться князем [10, с. 71]. Данная система управления была типичной для всех приморских городов сербского государства.

В городах, находившихся на территории сербской равнины, власть осуществляли городские вече (избираемые горожанами правительства – прим. В. Е.), которые возглавлял правитель, его, как и в приморских городах, часто называли князем. Управление в городах, расположенных в Македонии, Греции и Албании, осуществляли «градские кефали» [6, с. 202], которые назначались лично государем Сербии. Исходя из вышеназванных фактов, можно сделать вывод, что система государственного управления средневековой Сербии по своему характеру была близка к системе городского управления средневековых стран Западной Европы. В пользу этого свидетельствует и немецкий профессор Георг фон Белов. В своем исследовании «Городской строй и городская жизнь средневековой Германии» он подчеркивает, что в Западной Европе представительские функции исполнял Городской совет, который часто делегировал бургомистру или мэру города ряд полномочий в сфере внутренней и внешней жизни города [11, с. 86], т. е. функции юридического лица. Следовательно, можно предположить, что полномочия юридического лица в средневековом сербском городе

осуществляли городские правители, именуемые князьями и градскими кефалиями.

Самоуправление в городах Беларуси как фактическое явление известно со времен Древнерусского государства. В Полоцке и Витебске, как в Киеве и Новгороде, всеми полномочиями городского управления обладало городское вече. Известно, что уже в XI в., данный институт власти утверждал назначения должностных лиц города – «мужей», старшин, тысяцких, сотников и других представителей городской администрации управления. Например, информация об организации органов городского самоуправления и их эволюции в период раннего средневековья содержится в книге «Летописец. Краткое содержание хроник литовских и польских». Автор (о котором нет сведений) повествует о событиях II половины XIII в. в разделе своей книги: «О Полоцкой Венеции, або свободности», где сообщает о тех временах, когда полочане «волно пановали себе и жадной зверхности над собой не имели, только 30 мужов старцов спосродку речи посполитое своеи на поточныи справы, суд и яко сенаторов прекладали, а наболшей за знаком звону великого, который в посеред места был завешоный, где все збиралися, там и о справах своих речи посполитой и держав своих, бо держали на тот час землю русскую сами мещане полоцкие и наколка десят мил справуючи» [12, с. 74]. Эти и другие факты, позволили доктору исторических наук З. Ю. Копысскому, сделать вывод, что городское самоуправление и права граждан в восточноевропейских городах, в т. ч. и белорусских, сложилось ещё задолго до появления магдебургского права. «Когда магдебургские патриции только собирались выкраивать из феодального права – «Саксонского зеркала» юридические одежды своему городу, на берегах Западной Двины и Днепре – в Полоцке и Киеве – давно уже шумело древнерусское вече, правили городами «мужи», старшины, тысяцкие, сотники, десятники» [12, с. 73]. Однако в исторических и юридических источниках средневековья нет однозначного ответа на вопрос, какое должностное лицо представляло хозяйственные и политические интересы жителей города как юридического лица. Есть серьезные основания полагать, что в рассматриваемый исторический период всю полноту исполнительной власти и представительские полномочия в городах Беларуси осуществляли местные удельные князья. И это вполне закономерно, поскольку все крупные и средние города Беларуси в XI-XV вв. являлись резиденциями удельных князей. Эти традиции сохранялись и в период становления Великого Княжества Литовского, Русского, Жемойтского (далее – ВКЛ) в XIII-XIV вв., когда земли Беларуси вошли в состав нового государства. Многие города Беларуси и тогда не утратили своих

прав и автономии. В пользу нашего довода свидетельствует содержание торгового договора Гедимины, короля Литвы с Ливонским орденом от 1 ноября 1338 г. Данный договор был заключён « от рождества Господа в 1338 году, в день всех святых с согласия магистра и ландмаршалка и многих драгих достойных и совета Риги, которые на этом целовали крест; и с согласия короля Литвы и его детей и всех бояр, ... и с согласия епископа Полоцка, короля и города Полоцка и короля Витебска и города Витебска, которые все на этом вышеназванном мире целовали крест» [13,с. 194].

Специальные органы городского управления продолжали существовать в Полоцке и других крупных городах Беларуси в XV и XVI вв., где они руководствовались своим правом. Например, в грамоте относящейся к торговым делам от 21 июня 1405 г. указывается, что предлагаемые Риге условия сотрудничества обсуждались на собрании горожан Полоцка. «А се мы Полочане, - гласит грамота, - вси добрыи люди и малыи, надѣючесь на Богъ святого, Софея милость и князя великого Витовта здоровье, хочемъ с тобою, князь местерю (верховным правителем – В.Е.), любовь держати и с твоею братьею, со всеми ридели. Такожь хочемъ с вами, Ризькийи ратьмяне и со всеми Ризькийи купци межи себе приязньство держати и любовь на обѣ стороне крѣпко» [14,с. 120].

По мере усиления экономического значения городов Беларуси активизировалась и их общественно-политическая жизнь. Наиболее крупные и богатые города Беларуси уже в XIV в. стремятся избавиться от феодальной зависимости и получить право на самоуправление. По количеству населения города Беларуси уже в XV в. можно классифицировать на три группы. К первой из них относились наиболее крупные города с населением свыше 8 тыс. человек – Витебск, Могилев, Пинск, Полоцк, Слуцк. К группе средних городов, где проживало от 5 до 8 тыс. жителей, относились города Брест, Быхов, Гродно, Минск, Мстиславль, Новогрудок и другие. Наиболее многочисленную группу составляли малые города – Бобруйск, Кобрин, Кричев, Лида, Несвиж, Слоним, Туров и другие, где проживало от 2 до 5 тыс. человек.

Исходя из потребности гарантировать надежный источник государственных доходов, верховная власть ВКЛ поддержала борьбу горожан за обретение статуса самоуправления. При этом следует отметить, что некоторые феодалы в целях роста доходности своих городов также начали предоставлять им право на самоуправление.

За образец городского самоуправления с учетом местных традиций было принято феодальное городское право, оформившееся в XIII в. в г. Магдебурге. «Магдебургское право» города средневековой

Беларуси начали обретать с конца XIV в. Первой грамоту на магдебургское право получила столица государства г. Вильно в 1387 г., затем – Брест в 1390 г., Гродно в 1391 г., Слуцк в 1442 г., Полоцк в 1498 г., Минск в 1499 г. и другие [15, с. 85].

Грамоты магдебургского права, выданные городам Беларуси, не являлись обычным копированием западных аналогов юридических актов данного вида. Они имели свои особенности, которые позже нашли свое отражение в законодательстве ВКЛ, прежде всего в его статутах. Во-первых, Германия представляла собой в рассматриваемый период раздробленное, децентрализованное государство, где горожане добивались своих прав самостоятельно, не редко и силовым путем, на территории ВКЛ великий князь защищал права городов и их жителей, во избежание ущерба их хозяйственной деятельности, а значит, и государственной казны.

При этом не стоит забывать и тот факт, что магдебургское право пришло в белорусские города, когда там уже существовали устойчивые элементы местного самоуправления.

В соответствии с магдебургским правом самоуправление в городах Беларуси возглавлял войт. Он назначался великим князем (королем) или владельцами городов. Иногда войта избирали горожане. Административным органом управления городом как юридическим лицом был магистрат. Он состоял из рады и лавы (суда). В раду входили радцы (райцы), ежегодно избираемые горожанами. Радцы избирали из своего состава двух-трех бурмистров. Поочередно один из них председательствовал на заседаниях рады. Помимо управления городом рада творила суд по гражданским делам. Криминальные дела были в ведении лавы. Лава состояла из лавников, которые избирались горожанами на длительный срок (более года). В лаве председательствовал войт или назначаемый им заместитель (лентвойт).

Войтами и членами городского самоуправления обычно оказывались представители богатейших семей горожан, которые защищали свои классовые интересы. Несмотря на выборность членов рады и лавы, их состав изменялся незначительно.

Жители великокняжеских (королевских) городов с правом на самоуправление освобождались от феодальных повинностей, власти и суда государственной администрации. Город выплачивал в государственную казну единый налог, размеры которого определялись экономическим состоянием города. По самой высокой ставке налог взимался в сумме свыше 100 коп денег. В таком размере налог взимался с городов Бреста, Витебска, Минска, Могилева, Полоцка и Пинска. От

60 до 30 коп денег платили налог такие города как Бобруйск, Клецк, Кобрин, Мозырь, Новогрудок, Слоним и Слуцк [16, с. 160].

Доходы городов пополнялись за счет налогов с участков земли («плацев»), ремесленников, торговых пошлин с купцов, прибылей от городских мельниц и арендуемых у государства корчем. Население частно-владельческих городов, с правом на самоуправление, оставалось в феодальной зависимости, но их повинности не носили формы барщины. Следовательно, экономические, политические и юридические интересы городов Беларуси, которым было пожаловано магдебургское право, представлял войт как высшее должностное лицо местного органа самоуправления. Эти города обретали статус юридических лиц.

Средневековые города представляли собой замкнутые хозяйственные механизмы, в том смысле, что каждый город регулировал свои хозяйственные отношения в соответствии со своими собственными законами, мерами веса и длины и даже своей денежной системой. Каждый город старался путем неустанной борьбы против других городов, против окружающих деревень и даже против государств отстаивать свои источники доходов и заполучить новые. Сама природа тогдашних отношений сделала такое множество замкнутых в себе самодовлеющих маленьких жизненных центров. Благодаря слабому развитию способов сообщения каждый даже самый маленький город со своей ближайшей округой в несколько миль являлся самостоятельным производственным и коммерческим регионом. Большая часть товаров производилась и потреблялась в самом городе и прилегавшей к нему сельской округе.

Материальной основой средневековых городов Европы являлось ремесло, в обмен на изделия которого города получали необходимое им сырье и т. д. Торговля городов играла несравненно менее значимую роль, чем ремесленное производство. Ремесленники объединялись в цеха, которые в XIII–XV вв. играли важную роль в жизни города. Не купцы, а именно ремесленники составляли подавляющее большинство городского населения и материальную силу городов. Ремесленники, объединенные в цеховые организации, помогали эффективному сбору налогов в казну города, являлись источниками других доходов (штрафы, конфискации). Ремесленники также торговали своими изделиями и покупали сырье для производства. Кроме того, цех представлял собой и политическую организацию, по существу – это был город в городе, но только в уменьшенном виде. Благодаря членству в цеховой организации, каждый ее отдельный член мог принимать участие в городском самоуправлении, выбирая своего представителя в городскую ратушу или вечевого орган. И точно так же городские сборы и повинности нередко

распределялись между цехами, а не между отдельными лицами, что являлось характерной чертой того времени, когда политическая власть имела дело не с отдельным человеком, а с корпорациями.

О наличии цеховой организации в средневековых городах Сербии мы можем судить на основании ст. 169 и 170 Призренского списка «Законника Стефана Душана». Ст. 169 Законника гласит: «Если найдется золотых дел мастер вне городов и торгов моего царства, в каком-либо селе, да будет такое село разграблено, а золотых дел мастер будет сожжен» [9, с. 148]. Столь жесткие меры протекционизма, предпринятые сербским средневековым законодателем, можно объяснить его прямой заинтересованностью в концентрации кузнечного и ювелирного производства в городах в рамках производственных корпораций. На это указывает и ст. 170 «Законника Стефана Душана»: «В городах моего царства да живут золотых дел мастера и да куют и другие необходимые вещи» [9, с. 148]. Нельзя в данном случае исключать и фискальный интерес государства, так как цеховые организации, особенно золотых дел мастеров, приносили значительный доход в казну своих городов, а соответственно и государства.

Среди городских корпораций средневековой Европы, кроме цехов, мы находим союзы, гильдии, братства и ассоциации купцов, нотариусов, менял, врачей и учителей и даже золотарей, могильщиков, нищих и проституток. Все они объединялись в союзы, избирали старейшин, образовывали свой суд, устраивали религиозные процессии, строго охраняли свою привилегию промысла и являлись предшественниками современных юридических лиц. Таким образом, одни и те же принципы мы находим везде и повсюду, во всевозможных организациях; они вовсе не свойственны одним ремесленным корпорациям, а имеют общий характер, вытекающая из самих условий жизни средневековья, из взглядов и потребностей того времени.

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют считать, что хозяйственная деятельность в средневековом городе уже в XIII в. развивалась на основе корпоративных связей. Правовой ее основой был договор товарищества, регламентация которого была реципирована в сербское средневековое право из содержания титула X восточно-римской «Эклоги». Механизм реализации прав юридического лица в сфере хозяйственной деятельности строился в соответствии со ст. 1 титула XII славянской редакции «Эклоги» [17, с. 132–133]. Согласно вышеуказанной юридической норме договор товарищества заключался путем простого соглашения сторон, не требовавшего особых формальных условий; он был сходен в этом отношении с договорами купли-продажи, найма, поручения. Существенной чертой договора о

товариществе является наличие общности имущества. Договор товарищества требует от всех его участников добросовестного исполнения всего того, что от них по договору требовалось. Договор мог заключаться пожизненно или на определенный срок.

В «Эклоге», так же как и в законодательстве Юстиниана, для образования товарищества требовалось письменное или устное согласие между двумя или более лицами. Согласно нормам «Эклоги» участие в товариществе не требовало обязательного равенства вносимых вкладов в общее дело; допускалось учреждение товарищества и тогда, когда доли соучредителей не были равными или когда кто-либо вносит вклад, другие же – свои силы и труд [18, с. 139]. А теперь рассмотрим механизм функционирования юридических лиц в средневековом сербском городе. Населению приморских городов сербского государства были хорошо знакомы товарищества из числа непривилегированных горожан (*fratiae, fraternitates*) и ремесленные братовщины, построенные по производственному принципу. Например, в г. Задаре в XIII–XIV вв. существовало 19 профессиональных (в том числе торговых, и даже земледельческих) братовщин; в г. Сплите из 19 братовщин – только одна (моряков и торговцев) носила профессиональный характер, большинство же других были церковно-приходского характера [19, с. 188]. Это объясняется тем, что процесс создания религиозных братовщин начинается гораздо раньше, чем производственных.

Весьма характерно отсутствие в уставах товариществ приморских городов Сербии принудительного членства, так называемой корпоративной монополии, а также контроля над производством и его регламентации. Таким образом, не приходится говорить о производственной автономии юридических лиц хозяйственного профиля (братовщин), речь может идти в лучшем случае о судебно-административной автономии. Следовательно, налицо факт слабой корпоративной организации городского ремесленного производства в приморских городах страны.

Чем этот факт можно объяснить? Прежде всего широким воздействием внешнего рынка.

Помимо торговли, важным источником доходов для большинства городского населения в приморском регионе средневекового сербского государства являлся фрахт – перевозка грузов. Объемы перевозок мы можем установить приблизительно, подсчитав упоминания о кораблях в нотариальных актах. Например, в Сплите за 8 лет (вторая половина XIV в.) учтено 27 судов, в Которе в начале XV в. – 86 [19, с. 193]. Для того чтобы определить грузоподъемность судна, есть единственный путь – найти соотношение между единицей грузоподъемности и ценой судна,

которая обычно аккуратно отмечается в актах. Это соотношение нам удалось установить: 1 тонна судна стоит приблизительно 4,5–5 дукатов. Оно было и в Которе, и в Задаре, и в Дубровнике с конца XIV и до конца XV в. Если исходя из этого соотношения рассчитать размеры тоннажа торгового флота в городах средневековой Сербии, то окажется, что перевозка грузов приносила значительные доходы. Так, фрахт корабля на один рейс вдоль берегов Далмации стоил 13–16 дукатов [19, с. 194]. Это много и по отношению к стоимости груза (торговые расходы в этом случае составляли около 25 %), и по отношению к стоимости корабля – расходы на постройку судна возмещались обычно в течение одного года.

Существование высокой нормы прибыли в морской перевозке превращало ее в жизненно важную отрасль экономики в приморском регионе средневековой Сербии. Она давала пропитание значительному числу горожан, абсолютно безликих в социальном и профессиональном отношении, обозначаемых в актах исключительно как домовладельцы. Это были собственники (или совладельцы) лодок, судов, баркасов, кормившиеся за счет того промысла, который называется морским извозом. Занимаясь им, можно было быстро заработать и, видимо, поэтому постоянно сохранялась его привлекательность для большого числа горожан.

Аналогичные наблюдения в этом смысле позволяет сделать организация далматинского судоходства. Далматинский матрос являлся, по крайней мере номинально, не наемным работником, а компаньоном, соучастником в торговых прибылях. В данном случае оказывается важен не только более высокий договорной статус матроса, но и то, что он становится как бы сродни купцу-исполнителю в коллеганце. Важна и имущественная характеристика моряка – *marina-gius'a*: он не лишен имущества, поскольку нанимается служить матросом не постоянно, а временно.

Временный характер службы не позволял морякам обособиться в специальную прослойку населения и оттого они мало уловимы в источниках. Подобно солдариам, моряки чаще всего являются «профессионально-необозначенной» категорией, поэтому матросская служба в торговом флоте становилась активным средством приобщения к торговым прибылям для самых различных слоев городского населения. Вот почему доленое участие в судовладении, торговых компаниях и ростовщическом кредите приобрело в средневековых приморских городах Сербии такой размах. Оно открыло доступ широких слоев горожан к внешнеторговым прибылям и способствовало формированию у экономически активных слоев населения

средневековой Сербии понимания сущности юридического лица как субъекта гражданско-правовых отношений.

Населению приморских городов было значительно выгоднее участвовать в морских перевозках и торговых операциях, чем заниматься кузнечным или плотницким ремеслом и т. д. У жителей этих городов всегда была перспектива оставить свое традиционное ремесло во имя более прибыльного занятия – торговли.

Купец, отправляющийся в торговую экспедицию, предварительно объединял свои усилия с другим лицом, от которого получал денежную или товарную ссуду. Так рождалась компания – основная ячейка торговой деятельности. Она могла выступать в виде «коллеганца», если вклад ростовщика в компанию носил денежный характер, или «роганцей», если он был товарным. Но и в том и в другом случае первый участник оставался исполнителем торгового поручения («трактатором»), второй же – кредитором. Реальную практику создания подобных компаний позволяют представить нотариальные акты из городов Трогира и Задара последней трети XIII в. Трогирские компании были немногочисленны по своему составу: два-три участника; размер вкладов в большинстве своем невелик: чаще всего от 23 до 120 лир; инвестиции свыше 1 тыс. лир почти не встречаются. Нобили обычно выступают в роли кредиторов и вносят большие суммы, в среднем по 838 лир, в то же время как непривилегированные горожане – по 116 лир [19, с. 192]. Размер денежных вкладов в задарских компаниях меньше (по 10–50 лир), крупные суммы встречаются еще реже. Данное явление объясняется тем, что исполнителями в Задаре гораздо чаще выступают не купцы, а ремесленники, и кредит берется преимущественно на производственные нужды [19, с. 192]. Потребность в средствах, которую испытывали задарские ремесленники, и породила их участие в таком типично торговом предприятии, как коллеганца. Во всех рассмотренных случаях явление товарных инвестиций отсутствует, купцу-исполнителю вручались деньги и предоставлялась значительная свобода действий.

Объемы торговли сербских средневековых приморских городов значительно проигрывали итальянским городам, в особенности Венеции и Генуе. В отдельные экспедиции венецианские и генуэзские купцы уже в первой половине XIII в. помещали капитал около 20 тыс. марок [20, с. 248]. Показательным является следующий факт: в 1473 г. ганзейцы захватили нагруженное ценными товарами судно, принадлежащее торговому дому Медичи. Убыток последнего составил 30 тыс. флоринов золотом, или около 150 тыс. рублей [20, с. 248]. Для сравнения можно отметить, что данная сумма превышает годовой торговый оборот многих средневековых балканских городов. При этом мы не склонны принижать

уровень торгово-экономического развития приморских городов Сербии. Венеция и Генуя, будучи посредниками в торговом обмене между Востоком и Западом, выделялись своей силой и положением в Европе. В сравнении с Венецией и Генуей все остальные города – итальянские, французские, каталонские и даже английские – играли второстепенную роль в европейской торговле.

Самое интересное из выявленного нами в материале, характеризующем хозяйственную деятельность юридического лица Сербии в эпоху Средневековья, – это практика раздела прибылей в компаниях и товариществах. Например, в городах Далматии норма раздела прибыли была следующей: 33 %, т. е. одну треть, получал кредитор, и 66 % – купец-исполнитель, который ничего, кроме своего труда, не вносил в предприятие [19, с. 193]. Совершенно иное было в итальянских компаниях XII–XIV вв., где был установлен порядок, который не изменялся на протяжении столетий. Он сводился к тому, что кредитор получал львиную долю прибыли – 75 %, а купец – только 25 % от доли полученной прибыли. Отличие весьма существенно, особенно если учесть, что оно существовало повсеместно на восточном побережье Адриатики. По-видимому, купец-исполнитель должен был за свой счет набирать и оплачивать экипаж корабля. Именно этот факт дает нам объяснение о росте числа торговых товариществ в средневековых приморских городах Сербии, где не только состоятельные купцы, нобили, судовладельцы, но и рядовые горожане, ремесленники, скопив несколько дукатов, стремились любым способом вложить их в дальние торговые экспедиции.

Ликвидация подобного рода товариществ происходила либо вследствие единогласного решения об этом всех входящих в состав товарищества членов, либо в результате одностороннего заявления о выходе одного из соучредителей из товарищества. Оно могло быть ликвидировано и в случае смерти одного из соучредителей, если не было установлено заранее, что выбытие того или иного лица не разрушает товарищества. Выбывший обязан возместить причиненный его выходом из товарищества убыток. В случае если имеются ранее начатые общие дела, он продолжает отвечать вместе с остальными членами товарищества за возможные убытки в этом деле, хотя и лишается права на участие в возможной прибыли [21, с. 437]. Ликвидация товарищества, организованного с определенной целью, происходит или вследствие достижения этой цели, или если выяснилась невозможность ее достижения, или же, наконец, вследствие исчерпания средств. Товарищество может быть ликвидировано и в результате возбуждения

дела одним из соучредителей против остальных соучредителей [21, с. 428,435].

Значительный материал о правовом статусе юридического лица в средневековой Сербии содержит «Закон о рудниках деспота Стефана Лазаревича» 1412 г. Вышеуказанный правовой акт свидетельствует, что добыча и переработка полезных ископаемых в Сербии на рубеже XIV–XV вв. становится самостоятельной отраслью хозяйственной деятельности. Важная роль в организации и развитии добывающей отрасли производства отводилась юридическим лицам. Об этом свидетельствует ст. 3 «Закона о рудниках деспота Стефана Лазаревича» 1412 г., где юридическое лицо именуется законодателем «рударской дружиной» [22, с. 14], которая представляет собой цеховую организацию рудокопов. «Рударская дружина» в средневековой Сербии представляет собой механизм, на основе которого осуществлялся процесс финансирования, строительства и эксплуатации объектов добычи полезных ископаемых.

Понятие и основные функции юридического лица в горнодобывающей отрасли и в целом экономике средневековой Сербии изложены в ст. 26 «Закона о рудниках деспота Стефана Лазаревича».

В соответствии со ст. 26 юридическое лицо создавалось добровольно путем соглашения между его учредителями, которые также являлись исполнителями полномочий в вопросах управления и производственной деятельности созданного органа. Обязательным для участников создаваемого общества был денежный взнос, после уплаты которого «никто не может их изгнать из дружины» [22, с. 17]. Значит, имущество юридического лица в средневековой Сербии формировалось за счет вкладов его учредителей и последующей производственной деятельности цеховых организаций и обществ (дружин), иного приобретенного ими имущества (ст. 13, 26 «Закона о рудниках деспота Стефана Лазаревича» 1412 г.). Вкладами могли быть деньги, драгоценные металлы.

Управление имуществом юридического лица средневековой Сербии осуществлял орган его управления в лице собрания учредителей. Владение, пользование и распоряжение имуществом хозяйственного общества средневековой Сербии осуществлялось на основе решений общих собраний учредителей, которые принимались только по общему согласию его участников (ст. 26 «Закона о рудниках деспота Стефана Лазаревича» 1412 г.). Следовательно, управление имуществом юридического лица в средневековой Сербии осуществлялось всем сообществом по совместному решению его членов в каждом отдельном случае; путем поручения всеми членами дружины или цеха вести дела

одному из них или нескольким из их числа (ст. 3 «Закона о рудниках деспота Стефана Лазаревича» 1412 г.). Соответственно и прибыль распределялась между членами объединений пропорционально их вкладам в уставный фонд предприятия.

Прекращение права собственности юридического лица допускалось в соответствии с нормами, закрепленными в «Законе о рудниках деспота Стефана Лазаревича» 1412 г., при отчуждении собственником своего имущества в пользу других лиц, при отказе собственника от своего имущества и права собственности, в случае гибели или уничтожения имущества.

Исследования белорусских историков и археологов последних десятилетий XX в. позволили выявить наличие цеховых организаций в городах Беларуси уже в XI-XII вв. Сословные организации ремесленников в городах Беларуси в рассматриваемый исторический период носили местные названия, например, сотни в Гродно, братства в Полоцке и Минске, староства в Могилеве [16, с. 161]. Например, российский ученый Ф. Д. Гуревич на основе богатого фактического материала, который был им выявлен в ходе археологических раскопок средневекового Новогрудка установил, что цеховая организация новогрудских златокузнецов существовала уже в XII в. [23, с. 134]. К аналогичным выводам пришел и белорусский ученый, доктор исторических наук, профессор Э. М. Загорульский еще в 60-е годы прошлого ст. в ходе археологических раскопок древнего Минска. Его выводы были сделаны на основе анализа кузнечного, ювелирного, гончарного и кожевенного производства XI-XII вв. [24, с.52, 55, 63-64, 66-67]. В пользу выше указанных доводов свидетельствует и структура организации военного ополчения горожан Новогрудка, Минска и других городов Беларуси, которая уже с XI в. строилась на основе организации ремесленников.

Одним из первых, кто высказал точку зрения о существовании цеховой организации в русских землях, в т. ч. и на территории Беларуси в домангольский период был известный историк права С. В. Юшков [25, с. 140]. Высказанные им положения были подтверждены богатым фактическим материалом, который получили современные белорусские и российские археологи.

Анализ научной отечественной и зарубежной литературы по проблеме исследования, позволил нам установить, что в XI-XIII вв. на территории современной Беларуси было известно 50 ремесленных профессий.

Сословные корпорации ремесленников, которые создавались в городах Беларуси в XV в. в условиях действия магдебургского права, по

своему типу являлись цеховыми организациями, которые существовали в странах Западной Европы. Цеха создавались с целью защиты интересов городских ремесленников как производителей от конкуренций сельских ремесленников, купцов и феодалов.

К началу XVI в. в 16 городах Беларуси было 112 цехов [26, с. 89]. Из 112 известных нам цехов в городах Беларуси – 43 представляли мастеров одной профессии. Например, таких цехов в Брест и Минске было по 5, в Могилеве – 9, а в Слуцке – 12 [26, с. 90].

В основе жизнедеятельности каждой цеховой организации города Беларуси в рассматриваемый период лежал устав, который строго регламентировал производственную деятельность, реализацию изделий, качество сырья и готовой продукции, время и условие работы, технологию производства, продолжительность учебы, допустимое число учеников и подмастерьев у мастера цеха. В настоящее время установлено свыше 30 уставов ремесленных цехов, которые функционировали в средневековых городах Беларуси [27, с. 46]. Общей особенностью, характерной для этих правовых актов, было сочетание местных традиций и правил, а также норм, заимствованных из цеховых уставов западноевропейских городов, в большинстве своем германских.

Для создания цеха необходимо было определенное количество ремесленников, а в случае их отсутствия, создавались объединенные цеха. В крупных городах были цехи, которые объединяли большое количество ремесленников. Например, цех мясников в г. Слуцке уже в XV в. насчитывал 38 мастеров, а с подмастерьями и учениками в его составе было свыше 100 человек [28]. В цехе скорняков г. Могилева был 92 мастера, а всего цех насчитывал около 300 членов [26, с. 91].

Характерным явлением для развития цеховой организации Беларуси XV-XVI вв. было возникновение больших, сборных цехов, которые состояли из мастеров, подмастерьев и учеников большого числа профессий. Затем цеховая организация начинала дробиться на несколько самостоятельных цехов из одной или нескольких родственных профессий. Например, магистрат г. Гродно в 1570 г. утвердил устав цеху слесарей, кузнецов, котельщиков и мечников [26, с. 91].

Процесс дробления цехов мог происходить благодаря дифференциации ремесленных профессий и росту числа ремесленников в каждой профессии. Следовательно, развитие цехов подтверждает вывод о росте концентраций ремесленного производства в городах Беларуси. В пользу данного явления свидетельствуют сами уставы цехов. Во вступительной части устава создание цеха обычно объясняется тем, что «число ремесленников в городе очень увеличилось».

Цеховая организация играла серьезную роль не только в жизни ремесленников города и их производства, она также влияла на торговлю и процесс сбора налогов на нужды города и государства. Она также способствовала консолидации ремесленников в деле защиты своих интересов и прав. Защищая вольности горожан, цехи не раз противостояли произволу магистрата. Дело доходило до разбирательств в великокняжеском суде. Конфликты между цехами и органами городского самоуправления привели к тому, что во всех крупных городах Беларуси значительное число мест в составе магистратов заняли цехмистры. Исходя из указанного следует отметить, что цеховая организация городов Беларуси в период средневековья в полной мере соответствовала понятию юридического лица в римском частном и отечественном праве, где данная категория рассматривалась как объединение людей и имущества, за которыми было признано свойство быть носителями прав и обязанностей (правоспособность, статус юридического субъекта) и возможность действиями своих органов выражать правозначимую волю, вступая в правовые отношения между собой и с физическими лицами, в соответствии с нормами действующего права.

Анализ вышеизложенного материала позволяет сделать вывод, что в эпоху Средневековья в Сербии и Беларуси можно выделить две основные группы юридических лиц – коммерческие и некоммерческие. Обе эти группы были нацелены в своей деятельности на извлечение материальной прибыли.

По степени имущественной обособленности выделяются юридические лица, владеющие имуществом на праве собственности (цеховые организации, товарищества, крестьянские общины), а также владеющие имуществом на иных вещных правах (церковь, государственные учреждения, органы местного самоуправления).

По предмету деятельности в рассматриваемый исторический период юридические лица подразделялись на производственные, торговые, банковские и смешанные (производственно-торговые).

По направленности интересов различались публичные юридические лица (органы государственной власти, местного самоуправления и церковь) и частные (производственные и торговые объединения).

Правоспособность юридического лица в период Средневековья возникала с момента его создания, а прекращалась – с момента его завершения, т. е. ликвидации. Она определялась волей учредителей (участников) юридического лица; волей государства в той мере, в какой

государство устанавливало пределы действия и правила осуществления прав юридических лиц; волей органов управления юридического лица.

На средневековом этапе развития института юридических лиц характерно то, что правоспособность юридического лица определялась учредительными актами государей и правительств. Наглядным примером этому в средневековой Сербии является «Законник Стефана Душана» 1349 г. и «Закон о рудниках деспота Стефана Лазаревича» 1412 г., а в средневековой Беларуси – Статут 1529 г. Следовательно, уже в эпоху Средневековья в праве стран средневековой Европы, таких как Сербия и Беларусь, сформировались основные нормы, определяющие современное правопонимание юридического лица.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Ћорђевић Р.Д. Обелиск из Ксантоса: Законик правних, обичајних и моралних, начела Срба (пре 2600–2800 година). Ниш: Србона, 2003. 92 с.
2. «Саксонское зеркало»: памятник, комментарии, исследования / под ред. академика АН УССР В. М. Корецкого. М.: Наука, 1985. 272 с.
3. Законик царя Стефана Душана: Студенички, Хиландарски, Ходошки и Бистрички рукопис / Уредник академик М. Беговић. В 3 књ. (1975–1997 године). Београд: Српска Академија наука и уметности, 1981. Књ. II. 300 с.
4. Monumenta serbica spectantia historiam Serbiae, Bosnae, Ragusii / ed. F. Miklosich. Vienna: A. P. Braumüller, 1858. 580 p.
5. Новаковић С. Законски споменици српских држава средњег века. Београд: Српска краљевска академија, 1912. 912 с.
6. Тарановски Т. Историја српског права у Немањинској држави. Београд: Службени лист СРЈ, 1996. 805 с.
7. Хрисовуљ Душана манастирју архангеловъ Михаила и Гаврила близъ Призръна // Синан-паша / написао П. Срећковић. Биоград, 1865. С. 1–70.
8. Юхо И.А. Общественно-политический строй и право Белоруссии в XVI веке: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. Минск, 1979. 399 л.
9. Законик царя Стефана Душана: Барањски, Призренски, Шиматовачки, Ра-ковачки, Раванички и Софијски рукопис: / Уредници академици М. Пешикан, И. Грицкат-Радуловић, М. Јовичић. В 3 књ. (1975–1997 године). Београд: Српска Академија наука и уметности, 1997. Књ. III. 499 с.
10. Јанковић Д. Државноправна историја Југославије. Београд: Издавачка кућа «Драганић», 1997. 460 с.
11. Беловъ Г. Городской строй и городская жизнь средневековой Германіи / Г. Беловъ. М.: Изд-во М. и С. Сабашниковыхъ, 1912. 224 с.
12. Копысский З.Ю. Социально-политическое развитие городов Белоруссии в XVI- первой половине XVII в. Минск: Наука и техника, 1975. 191 с.
13. Послания Гедимины: сб. документов. / Подготовили В.Т. Пашуто, И.В.Шталь. Вильнюс: Изд-во Минтис, 1966. 199 с.
14. Русско-ливонскіе акты / Собранные К.Е. Напьерскимъ. СПб.: Археографическая комиссия Императорской Академіи наукъ, 1868. 454 с.

15. Орловская Е.И. Грамоты на Магдебургское право как источник общеземского права Беларуси XVI века // Статут Вялікага княства Літоўскага 1529 года – падмурак развіцця беларускай дзяржаўнасці і канстытуцыйналізму (да 480-годдзя прыняцця): зб. навук. арт. Мінск: РІВШ, 2009. С.84-86.
16. Нарысы гісторыі Беларусі. У 2-х ч. Ч.1. / М.П. Касцюк, У.Ф. Ісаенка, Г.В. Штыхаў і інш. Мінск: Беларусь, 1994. 527 с.
17. Бобчевъ С.С. Старобългарски правни паметници. София: Печатница на П. М. Бязайтовъ, 1903. Ч. 1. 176 с.
18. Эклога. Византийский законодательный свод VIII века / вступ. ст., перевод, комментарий Е. Э. Липшиц. М.: Наука, 1965. 226 с.
19. Фрейденберг М.М. Деревня и городская жизнь в Далмации XIII–XV вв. Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1972. 254 с.
20. Кулишер ИМ. История экономического быта Западной Европы. М.; Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1931. Т. 1. 322 с.
21. Памятники римского права: Законы XII таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. М.: Зерцало, 1997. 608 с.
22. Закон о рудницама деспота Стефана Лазаревића / превод и правноисто-ријска студија Б. Марковић. Београд: Српска Академија наука и уметности, 1985. 64 с.
23. Гуревич, Ф.Д. Древний Новогрудок. Ленинград: Наука, 1981. 158 с.
24. Загорульский, Э.М. Древний Минск. Минск: Госиздат БССР, 1963. 118 с.
25. Юшков С.В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М. Л.: АН СССР, 1939. 254 с.
26. Копыцкий З.Ю. Экономическое развитие городов Белоруссии в XVI-первой половине XVII в. Минск: Наука и техника, 1966. 227 с.
27. Орлов В. Статья мастером своего дела было не просто даже в средние века // Дело: Журнал международного сотрудничества. 1993. № 7. С.44-46.
28. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі. Ф.694. Воп.3. Спр.4005. Арк.58; там жа. Воп.4. Спр.1611. Арк.9.